

НОВАЯ ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: АМПУТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ИЛИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТНОЙ МНОГОСТОРОННОСТИ?

Автор противопоставляет классическую антропологическую точку зрения, основанную на метафизическом стиле философского мышления, современной позиции, которая отказывается от того, чтобы человека видеть как «человека метафизического». Противопоставление объясняется деконструкцией метафизики. Классическая власть метафизики закрепощала человека в его абсолютной сущностной основе – «архе». Результат деконструкции метафизики – новое видение человека в его раскрепощении от сущности, в свободном выборе пути развития. Но свобода ведёт к индивидуализму и поэтому возникают вопросы: Какова новая форма сущности человека? Являет ли она аутентичность свободного существования или оказывается ампутацией личности?

Ключевые слова: «человек метафизический»; деконструкция метафизики; субстанция человека; личностная ампутация.

Вопрос, вынесенный в название статьи, инициируется постметафизической философией, актуализирующей неклассическое антропологическое видение и предлагающей новое – не центрированное предельным началом, освобождённое (отчуждённое) от него определение человека. С позиций философской классики говорить об отчуждении человека от собственной сущности – нонсенс, ибо подобного рода допущение означало бы отход от господствующего и властно о себе заявляющего метафизического стиля мышления. Базируясь и центрируясь на «архе», человек предстал в метафизическом плане. Это был «человек метафизический». Как таковой он наделялся атрибутами целостности, внеисторичности, абсолютности, неизменяемости – трансцендентальности.

Однако что есть метафизика человека, как ни его рациональная редукция и односторонность понимания? Акцент на сущности и сущностной репрезентации человека устранял все прочие бесконечно множественные его характеристики. Вместе с тем такая редукция являлась основанием его идентичности, самотождественности и неотчуждённости: человек всегда был тождествен себе и всегда имел устойчивую, единую сущность. Именно поэтому в ракурсе классического стиля антропологического видения ни о какой многосторонности, многоаспектности, неоднoliniности в представлении о человеке не могло быть и речи.

В этом случае говорить о формах отчуждения человека можно было, имея в виду лишь внешние стороны его проявления (например, отчуждение от собственности, от труда и его результата). Такие формы отчуждения, конечно, воздействуют на сущность, травмируют её, но не устраняют.

Субстанциалистское понятие человека имело место в истории философии вплоть до деконструктивистских процессов в метафизике – до начала XX в. В XX в. на смену сущностным концепциям пришли концепции, деструктивные по отношению к классическим формам. Теперь, когда всякий предел был устранён, исчезло и обоснование для выстраивания устойчивых и целостных онтологических систем. Появилась возможность их конструирования в разнонаправленности аспектов, в многосторонности видения, в нелинейности и неопределиваемости. По словам Ж.-Л. Нанси, «исчезает философская предпосылка философского целого, всегда являющаяся онтологической предпосылкой» [1.

С. 66]. Сущность как метафизическое указание, в русле которого разворачивался дискурс о человеке в классической философии, перестала характеризовать её (философии) специфику. Вместе с уходом «человека метафизического», акцентирующего его трансцендентальную неизменяемую сущность, ушла и сущностная концепция человека. Увиденный сквозь трансцендентальную призму «человек метафизический» уступил место «человеку эмпирическому»: не целостному и вечному, абсолютному и внеисторическому, но живому, находящему себя в повседневности, в многосторонних связях и отношениях «жизненного мира». Отказ от сущности, однако, оказался новой фундаментальной формой отчуждения человека.

Парадокс современного мира состоит в том, что рождённая им новая форма отчуждения способствует возрастанию степени личностной свободы и интенсификации процесса персонификации. Постметафизический стиль философского мышления, устранивший «архе», освободил человека от самой возможности схем господства, снял проблему властной силы и тем самым предложил видеть человека в его аутентичности – в его свободном существовании.

Примером в этом отношении может быть информационное сетевое общество и положение человека в нём. Сеть являет собой трансформацию социальности в «персонализируемое сообщество», в «сетевой индивидуализм». С одной стороны, сетевое общество обезличивает человека, превращая его в «сетевой узел», отчуждает его от Другого, создаёт ситуацию одиночества как его онтологическую характеристику, лишает возможности быть целостным и устойчивым и, напротив, вынуждает его быть в постоянной динамике вслед за динамикой информационных потоков. С другой – отчуждение и неустойчивость, отсутствие надежды на стороннюю помощь активизируют его собственные силы и развивают способности и техники создания себя. Отчуждение от общей сущности востребовало от человека внимания к его собственному – индивидуальному – развитию. Поэтому, как утверждается в литературе [2], в информационном обществе ведущей и способствующей выживанию человека формой существования становится не личность как социальное качество человека, но индивидуальность. Что же касается понятия личности, то надо констатировать якобы его девальвацию, поскольку происходит отчуждение человека от социального окруже-

ния и, следовательно, от того ведущего признака, который его всегда определял как личность.

Имея это в виду, М. Кастельс вводит понятие «новая индивидуальность» и считает, что его значение связано с развитием человеческой активности, креативности, конструктивности как характеристик, способствующих выживанию человека в современном мире. «Индивидуализированная связь с обществом является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом. Она имеет в своей основе, прежде всего, индивидуализацию отношений между капиталом и трудом, между рабочими и трудовым процессом в рамках сетевого предприятия. Она порождена кризисом патриархальности и последующим распадом нуклеарной семьи, существовавшей с конца XIX столетия. Она поддерживается (но не производится) новыми моделями урбанизации, поскольку пригороды и загородные поселения расползаются во все стороны и разрыв связи между функцией и смыслом в микрорайонах городов-гигантов способствует индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни... Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [2. С. 155]. В сетевом обществе понятие личности утрачивает своё традиционное, базирующееся («привязанное») на признаке социальности человека значение и вытесняется понятием индивидуальности – «новой индивидуальности», – полагающей его свободу. Но здесь-то и вскрывается антропологический парадокс.

Встаёт вопрос относительно того, можно ли интерпретировать индивидуализм как условие и начало свободы. Отсутствие и невнимание к «Другому», который играл бы роль точки отсчёта в формировании «моей» идентичности и определял бы границу Я, «позволяет мне повторяться до бесконечности» [3. С. 155]. Размышления по поводу этого вопроса приводят к выводу о том, что признание приоритета индивидуальности перед личностью оказывается чрезвычайно амбивалентным. Безусловно, «новая индивидуальность» – это свидетельство стремления человека к самоидентификации, к утверждению своего индивидуального существования. Но она же говорит и о современной разъединённости людей и становлении таких структур индивидуальности, которые не связаны с социокультурными условиями её жизнедеятельности. Появление «новой индивидуальности» является следствием лишения человека возможности полностью удовлетворить свои запросы и потребности в обществе. По этой причине он отделяется от мира, радикально от него отчуждается и оказывается в такой ситуации, когда и личность сложиться не может и формирование индивидуальности становится невозможным, ибо не с кем себя сравнить, оно теряет смысл.

Разъединение и отчуждение человека, замкнутость индивидуальности без социализации ведут к тому, что он не нуждается в принадлежности к какому-либо клану, классу, социальной группе. Его внимание к внешнему миру заменяется вниманием к «техникам себя» при адаптации к миру. Он, всегда выполняющий только собственную программу, освобождает себя от моральных ценностей, политики, искусства и прочего переходящего окружения [4]. Человек активен, но в своей активности он обнаруживает индифферентность, равнодушные к социальной реальности. Появляется декласси-

рованность как новая форма отчуждения, ибо в информационном обществе, оказывается, не имеет значения, к какой социальной группе, классу, страте принадлежит человек: слишком всё динамично и преходяще.

Итак, отчуждение от устойчивой сущности погружает человека в информационные потоки, в сетевые структуры, где он, чтобы выжить, заявляет о себе активно. Как можно назвать такой способ существования – отчуждением или свободой быть?

Можно сказать, что индивидуализм есть полное проявление человеческой свободы. Антропологическим следствием такого характера свободного развития является субъект столь же нестабильный, нецелостный, «многослойный», стоящий теперь перед необходимостью «схватывать» сразу не одну, а множество реальностей, не один целевой путь движения, но одновременно множество разноцелевых направлений развития. Виртуальная, информационная, сетевая реальности проблематизируют стабильную личностную идентичность. Перед современной индивидуальностью открываются возможности одновременного существования во множестве реальностей, перескакивание в разные культуры, выполнение различных ролей и т.д., и т.п. В современном мире человек формируется в результате действия механизма интерактивности, когда становятся неважными социальные позиции, нравственные табу, возраст, уровень культурного развития и пр. «Сетевая жизнь, хотя и ограничена определёнными рамками правил поведения, является воплощением давней мечты о тотальной свободе и вседозволенности – здесь... можно практически всё. Он отличается максимальной открытостью и безнаказанностью поведения. Хотя и существуют определённые механизмы так называемых “банов” – запретов доступа тем или иным пользователям на различные ресурсы, а также системы, требующие регистрации пользователей, но это не так существенно, поскольку любой, так или иначе, обладает полными правами и возможностями для самовыражения» [5. С. 104]. Свобода (парадокс!) есть следствие отчуждения человека от единой метафизической сущности?

Процесс личностной свободы, индивидуализации и персонализации в информационном обществе оказался амбивалентным. С одной стороны, свободная индивидуальность возводится в ранг высшей ценности, за ней признаётся право на субъективное своеобразие и личностную неповторимость как проявления её свободного существования, отчуждённого от какого-либо общего идеала, от подчинения индивидуальности общим рациональным регулятивам. Но с другой стороны, акцент на свободе индивидуальности и отказ от общих нормативных постулатов, предложение на место канонов, регулятивов и правил поставить «желание», «сознание» и т.п. освобождают человека от моральных и социальных ценностей. Свобода приобретает новую трактовку, воздействуя на понятие личностной идентичности. З. Бауман пишет: «Хотя идентичность по-прежнему остаётся проблемой, но это уже не та проблема, которая стояла на протяжении всего модерна. В самом деле, если проблема идентичности прошлой эпохи заключалась в том, как построить идентичность и сохранить её целостность и стабильность, то проблема современности состоит, прежде всего, в том, как

избежать фиксации и сохранить свободу выбора» [6. С. 27]. Процесс личностной идентификации З. Бауман называет «текущим». По этому поводу Е.О. Труфанова пишет: «С общественной точки зрения сетевая жизнь невидима, поэтому как бы “не считается”. Она может явиться отдушиной для своего рода “пробного” формирования и использования различных Я-образов, которые, возможно, человек хотел бы иметь, но не осмеливается выставить напоказ под оценивающий взгляд Другого. Интернет-эскапизм, таким образом, может играть положительную роль, являясь временным выходом из состояния фрустрации для человека, испытывающего кризис идентичности. С другой стороны, это не приводит к окончательному преодолению кризиса, оставляя самость человека в состоянии раздвоенности» [5. С. 104].

Итак, о чём свидетельствует появление новых форм отчуждения человека, в частности отчуждение, от личностных форм его существования? Об ампутации личности или об антропологической аутентичности свободного существования?

Вход человека в свободу оказался сопряжённым с действительностью плюрального, фрагментарного, но-ниерархического мира, несущего множество возможностей. Предложен выбор – свободный, ибо никто и

ничто не ставит и не навязывает человеку рационально выверенных целей и строго высчитанных путей развития. Он, выбирая, оказался в ситуации ответственной «заботы о себе». Выбор связан с риском возможной ошибки, но также равновозможны и удача, успех. Типичная игровая ситуация стала способом человеческого бытия. Человек предстал в постоянном процессе распада и собирания себя в новую идентичность. В «заботе» о созидании себя он играет со своим «Я», со своими идентичностями. Спрашивается: он отчуждён от себя или свободен в своём способе существования? Он живёт в мире, где легитимируется игра, где в постоянстве динамики стёрты границы нормы и аномального, где нет правил и гарантий и откуда ушла классически понимаемая серьёзность, а на смену пришли «новые симптомы» [7]. Где критерий нормного, если легитимирован конец единомыслия, ценностный плюрализм, многосторонность определений?

Человек всю собственную историю бился головой о проблему своей идентичности, никогда не мог зажать себя в конкретные жёсткие пределы и рамки, не мог о-пределиться. Его лукавая сущность не давала и до сих пор не даёт ему этой возможности. Означает ли это его отчуждение?

ЛИТЕРАТУРА

1. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
2. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
4. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
5. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 2.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблемы человека в западной философии. М. : Прогресс, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 27 ноября 2011 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/16

Petrova Gailna I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seminar_2008@mail.ru

NEW FORMS OF HUMAN ALIENATION: PERSONALITY AMPUTATION OR ANTHROPOLOGICAL AUTHENTICITY OF FREE EXISTENCE.

Key words: metaphysical human being; deconstruction of metaphysics; human alienation; personality amputation.

Classical philosophy determined the human being through the notions of its essence or "arche", which corresponded to the metaphysical style of classical philosophy. The classical Antiquity found the essence of the human being in reason. The reason was considered as the essence of the human being, because it dictated standards and ideals, which helped humans to create themselves and the world. "Arche" (substance, mental essence, basis) was the mode of human being formation. The classical anthropological point of view was based on metaphysics, which is concerned with the search of the final foundation of being. The cogito of Descartes, the monad of Leibniz, the pure reason of Kant, the relations of production of Marx are patterns of philosophical formations and ontological centres of anthropological programs of these authors. They formed the notion of the metaphysical human being, which had the following features: absoluteness, universalism, invariance, transcendentality. This came as the foundation for identify, self-identity, because the human being always had a stable essence. Modern philosophical and anthropological thought refuses the notion of the metaphysical human being because of the deconstruction of metaphysics. The essential conception of the human takes place, too, but this process is connected with the increasing freedom of the human. The notion of the metaphysical human being is replaced by the notion of the empirical human being, who lives an ordinary life, has common relations and connections. But the refusal of the essence is a new form of human alienation, because the human is free to choose the way of development. But this freedom leads to individualism, disunion of people, instability of personal identity, duality of selfhood. Therefore the question arises: What is new form of human alienation? Is it anthropological authenticity of free existence or personality amputation?

REFERENCES

1. Nansi Zh.-L. Bytie edinichnoe mnozhestvennoe. Minsk, 2004.
2. Kastel's M. Galaktika Internet. Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve. M., 2004.
3. Bodriyyar Zh. Prozhrachnost' zla. M., 2000.
4. Lipovetski Zh. Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme. SPb., 2001.
5. Trufanova E.O. Identichnost' i Ya // Voprosy filosofii. 2008. № 2.
6. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / per. s angl. ; pod red. V.L. Inozemtseva. M. : Logos, 2002. 390 s.
7. Ortega-i-Gasset Kh. Novye simptomy // Problemy cheloveka v zapadnoy filosofii. M. : Progress, 1998.